

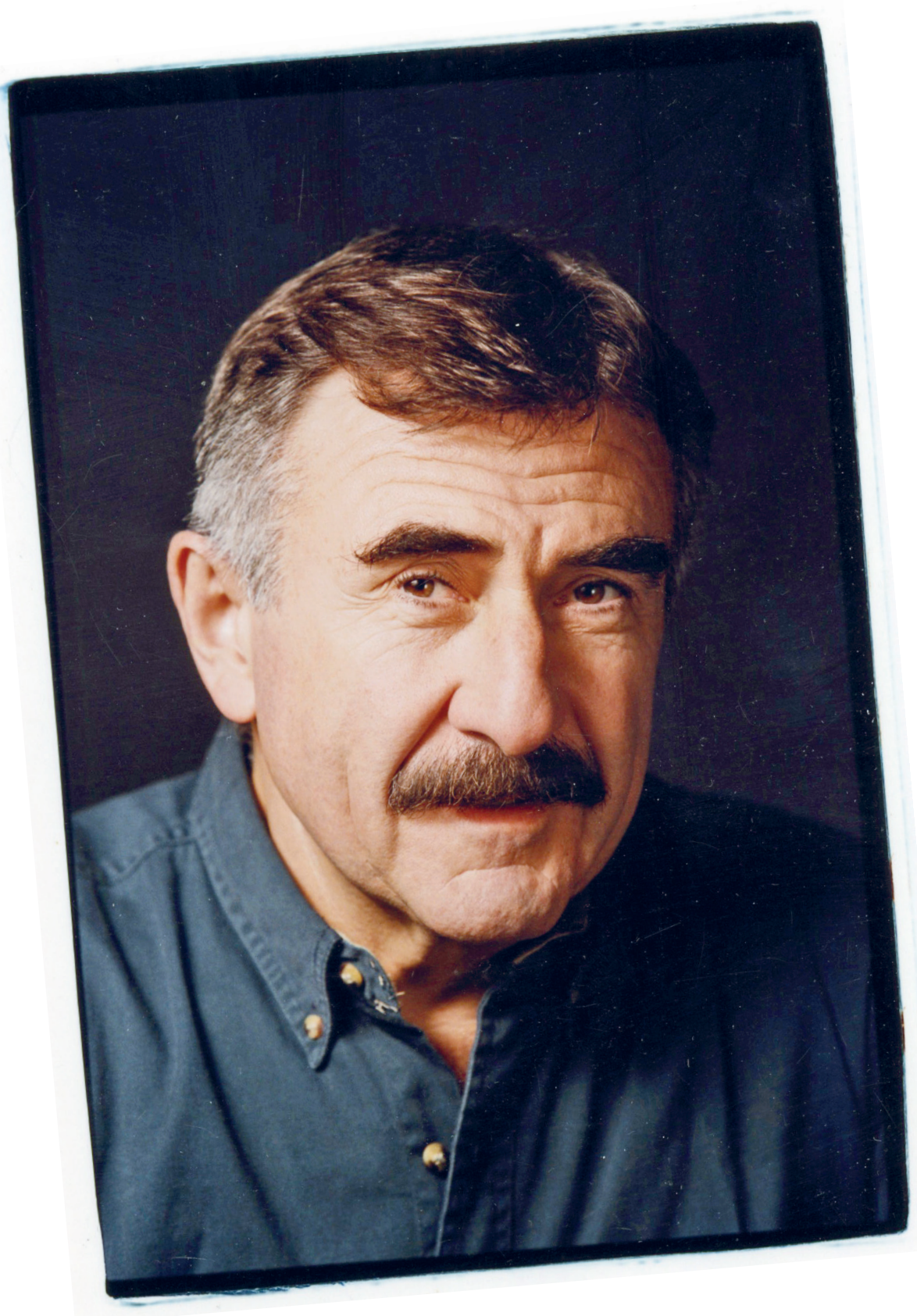

Оглавление

Предисловие автора	7
Родня и другие персонажи	9
Война глазами детей	13
Мир, Киев, возвращение	15
Папа, сладости и брат	16
Детские радости	21
Такие разные школы	28
Хочу в артисты	32
Прилежный ученик	35
О спорт, ты жизнь!	37
Подступая к поступлению	43
Свершилось!	47
Жизнь Московская	50
Наши боги — педагоги	53
Жизнь студенческая	61
Театр: начало	64

Ленком: счастье сцены	68
Ленком: время Эфроса	75
Малая Бронная, 4	88
Аня, любовь моя	98
Путь к экрану	118
Это детское кино	120
Бриллиантовая роль	128
Следствие ведут	134
У меня есть дочь!	147
Вокруг трёх мушкетёров	149
Кудрявый претендент	155
Чемодан, театр, Израиль	160
В Москву, в Москву!	194
Внуки — чистая радость	207
Послесловие автора	218

Предисловие автора

Взяться за воспоминания меня уговаривали давно, а мне всё казалось, что время для этого не наступило. Но вот подошёл момент, когда сошлись звёзды, точнее несколько факторов, подтолкнувших засесть за мемуары. Фактор первый: я много лет в профессии, и на творческих встречах меня обязательно спрашивают про жизненный путь. Вот и подумалось — может, настало время рассказать о нём, не дожидаясь вопросов. Фактор второй: мои молодые поклонники, моя главная гордость — растущая аудитория программы «Следствие вели...», благодаря мне открывают для себя время, на которое пришлась молодость их родителей, бабушек и дедушек. Раз оно им интересно, значит, возможно, будет интересна и моя жизнь как часть того времени. Комментарии на экране — это одно, а личный рассказ — совсем другая история. Фактор третий: оказалось, что вспоминать — приятное занятие. С чего всё начиналось, кто и когда был со мной рядом, что и как с нами происходило — в доме, в семье, в профессии... Это и есть жизнь — идущая сегодня, сейчас, но выросшая из корней, которые заслуживают, чтобы их не забыли. Воспоминания пробудили во мне ещё одно неожиданное чувство: гордость за свою память. Оказалось, что годы в профессии, десятки ролей и километры выученных текстов натренировали мою способность запоминать, вспоминать и помнить очень многое. О том, что я помню, и пойдёт речь в этой книге...

Я с родителями

РОДНЯ И ДРУГИЕ ПЕРСОНАЖИ

Корни свои я изучил неглубоко, с папиной стороны не знал никого — только с маминой. Эти бабушка и дедушка были замечательные люди. Дед Лев Захарович Роговский — невысокого роста, энергичный, думаю, я чем-то на него похож. Весёлый, гостеприимный, добрый, обожал бабушку. Она не покупала себе ни одежду, ни обувь: и повседневное, и нарядное ей покупал муж Лёва. Вокруг говорили: «Ты за ним как за каменной стеной». До революции дед держал мебельный магазинчик на киевском Подоле. Когда мне было лет семь-восемь, он водил меня туда, показывал место, где магазин этот стоял. Дедушка был большой специалист в мебельном деле: даже когда от магазина остались только воспоминания, люди продолжали к нему обращаться за консультациями — как приспособить большой стол к маленькой кухне, можно ли заменить дверцы у столетнего шкафа, получится ли из старого стула новая табуретка. Лев Захарович никому не отказывал, с каждым готов был обсудить любой вопрос. Он умер в 1956 году — я был в десятом классе, это случилось в день одного из моих выпускных экзаменов. Когда дедушку хоронили, Большая Житомирская улица была буквально забита народом: люди шли и шли, знакомые и незнакомые. Каждый, кто хоть что-то о нём слышал, хотел проводить его в последний путь.

Бабушку по паспорту звали Любовь Кофмановна, а в быту — Любовь Константиновна, тогда ведь было принято маскировать еврейские имена и отчества более привычными русскими.

На моей памяти она не работала, была домохозяйкой. Сногшибательно готовила, потрясающе. Я очень любил «холодное» — так и только так в доме назывался холодец. Главный момент его приготовления — я всегда ждал его с нетерпением — когда разваренное мясо снимали с косточек: мне разрешалось их обгрызать. До сих пор помню обжигающий бульон, который из них можно было высасывать, свои липкие пальцы и детскую радость от такого своеобразного участия в кухонном волшебстве. Ещё бабушка делала гениальный форшмак. Блюдо это «взрослое», дети обычно форшмак не едят, но я был исключением — уплетал за обе щёки. И моя мама, и тётя Софа, мамина сестра, все кулинарные навыки усвоили от бабушки. Да и в целом гостеприимство, лёгкость и удовольствие, с которым накрывался стол, — неважно, насколько сложно было достать продукты, — всё это тоже передалось моим родителям от бабушки с дедушкой.

Это моя мама с моей дочерью Наташей

Нас, внуков, было четверо: я со старшим братом Шуркой и Рома со Светой — дети маминой сестры Софы. У нас были самые нежные, самые дружеские отношения — мы вообще не понимали, что значит «двоюродные», всю жизнь были как родные. Я, любимый внук, часто ночевал у бабушки с дедушкой в коммунальной квартире на Большой Житомирской. Когда стал школьником, ночёвки случались реже, но и они, и я всегда им очень радовались. Коммуналка казалась мне верхом уюта, и никакого дискомфорта я не ощущал — мы ведь с родителями тоже жили в двух комнатах коммунальной квартиры, тогда это было нормой.

В кухне бабушкиной квартиры готовили на керосинках, хотя тогда, в начале 50-х годов прошлого века, в Советском Союзе использование керосинок было практически запрещено. Это ведь был источник открытого огня, а значит — риск пожара. Кроме того, считалось, что при горении керосина выделяются вредные вещества. Запрет этот стал частью политики государства по повышению безопасности и улучшению качества жизни. Тем не менее на керосинках продолжали готовить. Одна из популярных моделей называлась «грец». Многие считали, что название происходит от слова «греть», что неверно. История керосинки началась в середине XIX века в Германии, когда мастер-сантехник Альберт Грец и его партнёр Иоганн Симон основали в Берлине ламповую фабрику. Это было началом одной из великих историй успеха немецкой индустрии: вместо ламп на растительном масле, которые Грец пренебрежительно называл «тусклым светом», появились керосиновые, которые позже стали использоваться и для обогрева, и для готовки, в том числе на советских кухнях. Но, повторяюсь, официально они были запрещены: ходили даже специальные комиссии для проверки пожарной безопасности квартир. Помню, как бабушка кричала дедушке: «Лёва, нэм эту плитку и спрячь унтэр дэм тохтэ, идёт управдом!» — на смеси идиша и русского это был призыв засунуть «грец» под кровать. Они часто говорили на таком суржике, чтобы скрыть что-то от окружающих, хотя, конечно, в основном все всё понимали.

О папиной родне я знаю только, что это была большая еврейская семья, семеро детей: дядя Исаак, дядя Ефим, дядя Аркадий,

папа, дядя Борис и две сестры. Всех их разметало, жили они в разных местах, общались в основном по переписке. Старший папин брат, дядя Исаак, жил в Сухуми, в детстве меня регулярно отвозили туда на лето. Там же жил дядя Аркадий. Дядя Ефим жил в Первоуральске, дядя Борис — в Сталинграде.

Папа был замечательный человек — гостеприимный, широкой души, мощный, обаятельный красавец. Мама — студентка фортепианного факультета Киевской консерватории, красивая, весёлая, способная. Влюбившись в отца, бросила музыку и поехала с ним на Кавказ, где он тогда работал. Вскоре родился мой брат Шурик, и мамина карьера пианистки прервалась, так и не начавшись. Она всю жизнь посвятила папе и нам, всегда поддерживала любые наши затеи, восхищалась нашими достижениями. Была потрясающей модницей: подруги, даже гораздо более молодые, у неё консультировались, копировали наряды. Когда её не стало — это случилось 29 апреля 1989 года, — моя жена Аня с Майей, женой брата Шурика, открыли мамин шкаф и ахнули: он был полон невероятной красоты вещами — модными, элегантными. Так мама готовилась к моему 50-летию, до которого не дожила всего несколько дней. . . Вместе с ней мы составляли список гостей, вместе продумывали меню. Конечно, праздник я отменил, отметил через год — ровно так, как мы с мамой придумали. Её уход стал для меня огромным ударом.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Моё самое раннее детское воспоминание — вокзал: мы едем в эвакуацию. Мама впихивает меня в вагон поезда, а точнее, какой-то военный подхватывает меня и суёт в окно вагона другому военному. Выехали всей семьёй: мы с мамой и братом Шуркой, с бабушкой, дедушкой, тётей Софой и моими двоюродными. Оказались в Сталинске — ныне это город Новокузнецк, — где прожили до 1944 года. Это был крупный металлургический

и промышленный центр Сибири. Сюда эвакуировали людей и целые предприятия из западных районов, которым угрожала фашистская оккупация. Хотя город был далеко от линии фронта, жизнь там текла по условиям военного времени: заводы работали круглосуточно, действовал строгий режим светомаскировки, чувствовался недостаток продуктов. Но бабушка ухитрилась посадить огород: разводила редиску, огурчики. Недалеко было ремесленное училище — пацаны оттуда приходили воровать наши овощи, а бабушка их гоняла.

В какой-то момент папу перевели работать в Сталинград, и он вызвал нас туда. Жили мы в бараке, метров 50–60 в длину, вокруг — разруха. Земля покрыта слоем кирпичей и обломков, на сотни метров ни одного дома вокруг — так выглядел Сталинград 1944 года. Но нам, детям, эта реальность казалась обыденной, не помню, чтобы мы как-то особенно страдали. Отец работал почти круглые сутки, но маме и бабушке с дедушкой удавалось делать нашу жизнь вполне сносной.

МИР, КИЕВ, ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулись мы в Киев в 1945 году. Хорошо помню, как холодной зимой 1946-го на площади Калинина казнили немцев. Это был знаменитый процесс: его считали продолжением Нюрнбергского, только в Нюрнберге судили представителей руководства Третьего Рейха, а в Киеве — тех, кто особенно «отличился» именно в Украине. Три генерала, один подполковник и ещё одиннадцать военных рангом ниже во время войны были комендантами небольших украинских городов, начальниками лагерей военнопленных, руководили жандармериями и полицейскими батальонами. Все пятнадцать фашистов признали участие в облавах, расстрелах еврейских гетто, сжигании людей заживо и других ужасных преступлениях. Двенадцать из них были приговорены к повешению, и 29 января на площади Калинина приговор был приведён в исполнение. Понятное дело, смотреть на саму казнь мне никто бы не разрешил, но установленные на площади виселицы я видел, и детская память это зрелище сохранила.

Когда мы вернулись из эвакуации, мама поступила на работу в Министерство жилищного строительства главным бухгалтером. Именно благодаря маминой должности мы получили жильё: министерство выделило ей две комнаты в коммунальной квартире — пятый этаж без лифта в доме 16 на улице Левашовской. Точнее, когда мы там поселились, она носила имя Карла Либкнехта, но многие продолжали пользоваться старым названием. Улица была известная, с историей. В конце XVIII века именовалась Аптекарской — там находилась одна из первых киевских аптек. Потом стала Левашовской, в честь местного генерал-губернатора графа Левашова — это он построил район Липки на месте

существовавшего тогда шелковичного сада. После революции улицу переименовали в честь немецкого коммуниста Либкнехта, и так она называлась уже до середины 1990-х годов, правда с перерывом на фашистскую оккупацию: немцы назвали её именем Хорста Весселя. Сейчас она называется Шелковичная.

Левашовская улица была частью Печерского района, проще говоря — Печерска. Это один из самых древних и красивых районов города: Крещатик, Киево-Печерская лавра, Владимирская горка, Липки, Аскольдова могила — все эти легендарные места находятся именно на Печерске. Помню, как мальчишками мы бегали вокруг Шоколадного домика, красивого двухэтажного здания, у которого фасад был разделён на квадраты, как плитка шоколада, — тогда там размещался ЗАГС. Помню знаменитый Дом с химерами, про который рассказывали всякие легенды, помню здание банка с мраморными колоннами, витражами и львиными головами — всё это Киев моего детства.

ПАПА, СЛАДОСТИ И БРАТ

Мы занимали две комнаты в коммунальной квартире. В большой гостиной спали родители, а я и Шурка — в смежной, маленькой. С братом мы жили дружно, играли вместе — к примеру, в старших классах он научил меня преферансу. Когда к нему приходили девочки или просто компания друзей, он выгонял меня в большую комнату. Я мучился любопытством, подслушивал их разговоры. Шурик мне, с одной стороны, всегда покровительствовал, с другой —

ему было важно моё мнение: он ведь со школьного возраста писал юмористические тексты и стихи, и я часто становился его первым читателем, точнее слушателем.

Папа — технолог пищевой промышленности — рассчитывал, что мы с Шуриком выберем какие-то реальные, земные профессии. Учитывая мой неизменно хороший аппетит, возил меня в совхозы и на кондитерские фабрики — показывал, откуда берутся соки, мармелад и варенье. Я с удовольствием уплетал фрукты и сладости, наел себе приличные щёки, но всё это никак не помешало мне в седьмом классе пойти в театральную студию. Брат Шурка лет с семи уже выражал свои мысли и впечатления с помощью рифм, сладости его не интересовали. В общем, папины надежды на то, что мы пойдём по его стопам, не оправдались.

Шурик хотел превратить в профессию свою любовь к слову. Мечтал о факультете журналистики, но в университете в то время действовала процентная квота на поступление евреев — брат мой в эту квоту не попал. Альтернативой стал автодорожный институт. Шурик был отличник, медалист, поступил туда без экзаменов. В институте самозабвенно отдался художественной самодеятельности: организовывал капустники, писал скетчи и юморески, фактически уже тогда ставил эстрадные спектакли. Начал по-настоящему заниматься литературой.

В советские годы в вузах существовала процедура под названием распределение: выпускника трудоустраивали, распределяя на конкретное место. Оно выбиралось специальной комиссией на основе потребностей предприятий и организаций того профиля, по которому учился студент, теперь уже бывший. Это гарантировало ему рабочее место, а отраслям — необходимых специалистов. Там, куда его послали, выпускник, как правило, обязан был отработать три года. Распределение проводилось в последние месяцы учёбы: тебя спрашивали, где бы ты хотел трудиться, и эти пожелания могли учесть — если повезёт, конечно. В основном не везло: обладатели свеженьких дипломов отправлялись в какую-нибудь глушь или наоборот, на предприятия-гиганты в большие города, по решению комиссии, а не по доброй воле. Брата моего на распределении спросили: «Куда бы вы хотели поехать?» Он сказал: «Мне нравятся города с двойным названием: Баден-Баден, Сан-Франциско...» — «Хорошо. Поедете в Кзыл-Орду». Так Шурик оказался в Казахстане.